

И.А. Голосенко, Р.Е. Гергилов

ГЕОРГИЙ (ЖОРЖ) ГУРВИЧ КАК СОЦИОЛОГ

В 1915 г. американский исследователь Ю. Геккер опубликовал весьма интересную для своего времени книгу «Русская социология: Вклад в историю социологической мысли и теорию», в которой помимо глав, посвященных нашим тогда уже достаточно известным социологам — представителям субъективной школы, анархистам, марксистам и неомарксистам, была глава, названная довольно необычно: «Франко-русские социологи: Новиков и Де-Роберти» [1, ch. 5]. Эти социологи-позитивисты занимали совершенно разные теоретические и методологические позиции, и в одну главу их объединило лишь то, что они родились и получили образование в России, а затем долгое время работали в Париже и печатали свои труды на французском языке. Если бы Геккеру пришлось писать свой обзор пятьдесят лет спустя, то он с полным правом мог бы расширить свой список франко-русских социологов, прибавив к нему имя Георгия Давыдовича Гурвича (1894-1965), являющегося, по словам П. Сорокина, создателем «одной из наиболее оригинальных и значительных социологических систем нашего времени» [2, p. 465].

В этом кратком очерке жизни и творчества Гурвича мы попытаемся, насколько это возможно, представить читателям журнала его научное наследие в целом. Это неизбежно связано с целым рядом сложностей. Во-первых, в его творчестве органично переплелись разные дисциплины и типы знания: общая философия (феноменологического толка) и философия истории (соотношение исторической необходимости и человеческой свободы), социальная онтология и методология, правоведение и история европейской социальной науки, а многие относительно самостоятельные специальные виды социологии, которыми он интересовался в течение всей своей духовной карьеры — такие, как социология права, познания, морали, политики, социального времени — являлись продолжением и сложной конкретизацией его постулатов общей социологии. Уместить все это идейное богатство в несколько страниц совершенно невозможно. Во всяком случае, попытка самого Гурвича конспективно изложить свое понимание функционирования, развития и типологического многообразия социума составила более сотни страниц.

Во-вторых, все эти научные посыпки, данные и выводы составляют обширную библиографию, включающую как множество статей в журналах разных стран, так и солидный список монографий — как собственно авторских, так и

Голосенко Игорь Анатольевич (р. 1938) — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Социологического института РАН (С.-Петербург).

Гергилов Ростислав Евгеньевич (р. 1960) — кандидат социологических наук, внештатный сотрудник Социологического института РАН (С.-Петербург).

Адрес: 198052. Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская ул., д. 25/14.

Тел.: (812) 316-32-70. Факс (812) 316-29-29. E-mail: inso@ego.spb.su

тех, где Гурвич являлся редактором-составителем, отбиравшим и работы ведущих специалистов в области гуманитарных, прежде всего, социологических наук. Многие из этих монографий были переведены на различные иностранные языки. Попутно заметим, что его родному языку «повезло» в этом отношении меньше всех.

Приведем список наиболее авторитетных из этих трудов: «Идея социального права» (1931), «Сегодняшние времена и идея социального права» (1931), «Юридический опыт и философия плюралистического права» (1935), «Теоретическая мораль и наука о нравах» (1937), «Очерки социологии» (1938) (расширенное издание этой книги вышло под заголовком «Призвание современной социологии», 1950), «Элементы философии права» (1940), «Элементы юридической социологии» (1940) (расширенное американское издание называется «Социология права», 1942), «Социология XX столетия» (в соредакторстве с В. Муром) (1945), «Введение в социологию познания» (1948), «Концепция социального класса от Маркса до наших дней» (1954), «Социальный детерминизм и человеческая свобода» (1955), «Огюст Конт, Карл Маркс и Герберт Спенсер» (1957), «Многомерность социального времени» (1958), «Трактат по социологии» (Т. 1. 1958; Т. 2. 1960), «Социология Карла Маркса» (1958), «Диалектика и социология» (1962), «Спектр социального времени» (1964) и др.

Поэтому мы попытались ограничить наш комментарий освещением самых принципиальных разделов так называемой «гиперэмпирической диалектической» социологии Гурвича, кратким обзором его весьма ценной деятельности по институционализации социологии в первой половине XX в. и указанием на некоторые факты его далеко не стандартной биографии, в сравнении с традиционными «жизненными циклами» профессуры университетов западных. Судьба Гурвича была не менее интересной, чем судьба Пифирима Сорокина, его давнего друга и коллеги по Санкт-Петербургскому университету, где они оба учились и преподавали.

Начнем с биографических данных. Г. Гурвич родился в Новороссийске в состоятельной еврейской семье. Его отец — преуспевающий банковский служащий — прекрасно понимал необходимость серьезного образования для успешной карьеры и обеспечил сыну обучение в привилегированных гимназиях Ростова-на-Дону, а затем Риги. С получением свидетельства о сдаче выпускных экзаменов для него открывается дверь в высшую школу. Гурвич слушает курсы на гуманитарных факультетах ряда университетов России и Западной Европы. На историко-филологическом факультете Гейдельбергского университета он посещает лекции Эмиля Ласка, чье влияние на создание собственной версии феноменологии Гурвич неизменно признавал. С 1910 г., увлеченный идеей диалектики как метода научного познания, он усиленно шпудрирует философские труды Гегеля и Маркса. И если к идеалистической диалектике Гегеля у него на долгие годы сформировалось отчужденное отношение, то в материалистической диалектике Маркса он видел больше позитивных возможностей, некоторые ее положения старался заимствовать и даже, как не без ехидства отметил Р. Арон, обнаружил в марксизме некоторое «предвосхищение собственных идей» [3, с. 214]. В 1912 г. Гурвич знакомится с В.И. Лениным и вполне в духе времени проникается идеями необходимости политической модернизации России. Однако революционной практике он предпочел академическую карьеру. После окончания

юридического факультета Петроградского университета и сдачи магистерских экзаменов Гурвич становится приват-доцентом университета и готовится читать курс философии права. Февральскую революцию он приветствует, как многие молодые социологи, и вместе с П. Сорокиным, Н. Тимашевым, С. Кондратьевым, Ф. Степуном и другими сотрудничает с Временным правительством. После Октябрьского переворота, не приемля большевистскую диктатуру, он начинает серьезно задумываться об эмиграции и в 1920 г. покидает Россию. Он едет в Прагу, где преподает на юридическом факультете Русского свободного университета, деканом которого был известный социолог-юрист П. Новгородцев. В начале 1920-х годов на факультете плодотворно сотрудничали П. Сорокин, П. Струве, И. Лаппин и другие русские ученые. В 1923 г. пути друзей на время расходятся: Сорокин покидает Старый свет, а Гурвич после непродолжительного пребывания в Германии в 1925 г. перебирается во Францию. Затем на протяжении всей жизни Гурвич поддерживал тесные научные и человеческие контакты со своими коллегами-соотечественниками Сорокиным и Тимашевым, которые внесли существенный вклад в мировую социологию. Личная переписка этих людей вызывает огромный научный интерес [4]. В 1929 г. Гурвич принимает французское гражданство, а в 1932 г. защищает в Сорбонне докторскую диссертацию по философии.

Если говорить о философских корнях его мировоззрения, то достаточно легко обнаруживается влияние немецких мыслителей — Фихте, Маркса, Гартмана, Гуссерля, Шелера, Ласка. Но ни к одному из них он не примкнул в качестве догматического ученика: заимствуя разные идеи, он старался их комбинировать. Современная немецкая философия составила содержание факультативных курсов, которые Гурвич, по совету друзей и коллег, стал читать в Сорбонне на рубеже 20-30-х годов. Среди его слушателей были будущие властители умов: Ж.-П. Сартр и Ж. Лакан. В 1935 г. Гурвич получает место профессора университета Бордо, где начинал свою преподавательскую деятельность Э. Дюркгейм и где в 1896 г. он организовал первую во Франции кафедру социологии (точнее, кафедру «социальной науки»). Но Гурвич, академическая слава которого быстро ширилась, долго не задержался на этом почетном для французской социологии месте. В 1936 г. ему был предложен пост руководителя программы по социологии в Страсбургском университете, и он с энтузиазмом приступил к выполнению учебных программ. В эти же годы Гурвич организует, редактирует и публикует периодические издания, которые высоко ценятся специалистами: журнал «Архив философии права и юридической социологии» (1931-1940) и ежегодник «Анналы Международного института юридической социологии» (1932-1940).

В годы Второй мировой войны Гурвич как гражданин Франции идет на фронт (линия Мажино), а после капитуляции Франции по приглашению нью-йоркской «Новой школы социальных исследований» срочно уезжает в США, где получает должность профессора, а также возможность принимать посильное участие в формировании европейской политики Соединенных Штатов. Благодаря тому, что Гурвич был лично знаком с семьей президента Рузвельта, его советы о наиболее разумной политике в отношении Восточной Европы внимательно принимались к сведению. Американская деятельность Гурвича оказалась «вишистским» властям Франции достаточным поводом для лишения его гражданства, которое он вновь получил лишь по окончании войны.

Во время своего пятилетнего пребывания в США он возвращается к любимой издательской деятельности и начинает руководить «Журналом правовой и политической социологии», а также, благодаря помощи П. Сорокина, получает возможность в качестве приглашенного профессора читать лекции на факультете социологии Гарвардского университета, деканом которого Сорокин был в эти годы. В 1945 г. Гурвич возвращается в Страсбургский университет и вскоре начинает издавать журнал «Международные тетради по социологии», быстро ставший, как отмечал Сорокин, одним из наиболее важных социологических журналов XX в. [2, р. 465]¹. Вишистское правительство во время немецкой оккупации уничтожило «Центр социальной документации Высшей нормальной школы, и в 1946 г. в Париже по инициативе Гурвича был создан «Центр социологических исследований», который взял на себя руководство рядом исследований, собрал блестящую социологическую библиотеку, составил библиографию по социологии и провел ряд симпозиумов, материалы которых позднее публиковались в специальных сборниках. В частности, Гурвич составил и отредактировал очень актуальный для того времени сборник «Индустриализация и технократия» (1949), который стимулировал развитие во Франции новейших управленческих концепций.

К 1949 г., когда Гурвич был приглашен в Сорбонну на место, которое когда-то занимал Дюркгейм, а именно — декана социологического факультета, он был уже всемирно известным ученым. Основной корпус его теорий и методологий был уже опубликован, но он использовал любую интересную проблему для развития своей исследовательской позиции, продолжая радовать читателей своего таланта новыми публикациями, дополненными и углубленными переизданиями старых работ [6].

В разгар холодной войны Гурвич, как и Сорокин, выступал за мирное сосуществование двух блоков, на это же была направлена и его антиколониальная позиция, ибо колониализм он определил как предельно архаичный институт, не соответствующий правосознанию современного мира. В 1950-е годы он основал «Ассоциацию франкоязычных социологов», в которую вошли ученые Бельгии, Швейцарии, Туниса, Египта, Алжира, Канады, Мали, Вьетнама и США. Начался распад мировой колониальной системы, французские колонии начали борьбу за независимость, и Гурвич смело вступил в ряды интеллектуалов, публично поддерживающих политико-экономические требования этих стран. Ответ реакции не заставил себя долго ждать. В 1962 г. в результате взрыва бомбы, брошенной правыми террористами в его квартиру, Гурвич перенес острый сердечный приступ, от затяжной динамики и повторений которого через три года он скончался. Научный мир Франции и русского зарубежья оделся в траур.

Обратимся теперь к теоретико-методологическим взглядам Гурвича. Как многие теоретики Гурвич начинает с общих вопросов — «Что такое социоло-

¹ В основу этого издания была положена диалектическая мысль — универсальное в социологической науке достигается и развивается только через ее национальные формы — немецкую, французскую, русскую, американскую и другие ветви социологии. Интересным воплощением этого подхода является и коллективная монография под редакцией Гурвича и Мура «Социология XX века», вышедшая в 1945 г. Кстати, раздел о русской социологии Гурвич попросил написать другого своего товарища по учебе в Санкт-Петербургском университете профессора М.Я. Лазерсона [5].

гия?», «Что и как она изучает в этом мире?». Его ответ таков: «Социология представляет собою "кульминационный пункт" в эволюции науки о человеке. Она изучает социальную реальность или "целостную тотальность социальных феноменов" (термин заимствован у М. Мосса. — И.Г., Р.Г.) во всех ее многовекторных измерениях с точки зрения ее функционирования и изменения» [7, р. 49]. Как и Сорокин, Гурвич постоянно подчеркивал необходимость тесной междисциплинарной кооперации между социологией, историей и социальной психологией. Предмет социологии составляют феномены *sui generis*, не сводимые ни к физическим, ни к химическим, ни к биологическим, ни к психологическим явлениям. Задачей социологии, по глубокому убеждению Гурвича, является объяснение главных атрибутов этих феноменов, скажем, их корреляции друг с другом (они могут быть структурированными и неструктурированными, обладать способностью к структурированию и принципиально ею не обладать), их многомерности и принадлежности к разноглубинным уровням социального бытия и т.п. Все эти атрибуты могут находиться в согласии друг с другом, но могут пребывать в противоречиях, конфликтах, борьбе. Для изучения этих аспектов социология использует различные полезные, но не равноценные в своих объяснительных возможностях процедуры: количественные и качественные методы (например, методы дискретной типологии) в сочетании с методом, гносеологически наиболее мощным — диалектическим. Переход от одной классификации социальных феноменов к другой имеет тенденцию непрерывной перестройки систем социального знания и, таким образом, постоянного углубления проблем. Это и есть «гиперэмпирическая диалектика»: «эмпирическая», так как предполагает опору на методологически выверенные факты, «гипер», так как рассчитывает на их максимальный охват, и «диалектика», так как процессы в социальной онтологии и их отражение в социальной гносеологии взаимосвязаны и подобны, хотя субъективная диалектика в силу относительности человеческого познания уступает богатству объективной диалектики [8, р. 3-33]. Всем, кто внимательно читал Маркса, последнее утверждение Гурвича совершенно понятно, но Сорокин ворчал по этому поводу, мол, как метод диалектику еще можно признать с рядом оговорок ее познавательных границ, но как характеристику объективной действительности — увольте, ибо тогда мы должны будем признавать существование индуктивной или дедуктивной действительности.

Если теперь саму социологию, продолжал Гурвич, рассматривать как особый «социальный феномен», то ее структурно следует разделить на две принципиальные разновидности со своими задачами, сюжетами, аппаратом и даже методами исследования — на микро- и макросоциологию. Интересно, что все отечественные авторы (иногда весьма серьезные исследователи — Г. Андреева, М. Бахитов, В. Ольшанский), упоминавшие в первом томе «Философской энциклопедии» (1960) социологию Гурвича, сводили ее только к одной ее части — микросоциологии, упуская ее более оригинальную сторону — макросоциологию. Так, М. Бахитов в энциклопедической справке о Гурвиче опрометчиво указывал, что основной задачей его социологии является исследование «микро-отношений» [9, с. 419]¹. Между тем у Гурвича все было значительно сложнее. Во

¹ Впрочем, исследователи последующего десятилетия — А. Гофман, Е. Краснухина и др. уже исправили это упрощение и подвергали критическому рассмотрению не только микро-, но и макросоциологию Гурвича [11; 12].

всяком случае, против его «методологического деления социологии на два вида, — как писал Н. Тимашев, — выступили многие социологи, включая неопозитивистов и таких функционалистов, как Мертон», который указывал, что социальная логика едина и может использоваться при изучении самых разнообразных социальных феноменов [10, р. 269].

Дисциплина, которую Гурвич называл микросоциологией, должна, по его замыслу, изучать простейшие и лежащие на поверхности проявления социальной реальности, так называемую «социабельность», т.е. формы непосредственных межличностных взаимодействий и общений («отношения к другому», отношения между «я», «он», «она», «они») и некие, созданные идентификацией в ходе этого общения конкретные социальные единства — «мы» и близкие в смысловом отношении к ним — «наш» («мы — соседи», «мы — одноклассники», «мы — любители рыбной ловли», «наш профсоюз», «наша кафедра» и т.п.). Микросоциологический тип социальной реальности довольно плюралистичен: он основан на восьми критериях (формальный или неформальный характер общения, вид функционирования, построенного на симпатии, солидарности или антагонизмах, его происхождение — добровольное слияние или принудительное объединение и т.п.). Микросоциология фиксирует все формы «социабельности» в горизонтальном измерении [13, р. 1-48]. Важнейшей предпосылкой, продуцирующей появление этих спонтанных форм «социабельности», выступает совпадение интересов и взглядов на какие-то определенные события, явления и процессы. Обе спонтанные формы «социабельности» («отношение к другому» и «мы») включаются в качестве элементов в состав многих групп, общностей и социальных структур с многовариантной интенсивностью и глубиной. Конкретных форм «мы» великое множество, но три главных ее образования уже давно обнаружены и изучаются социальными исследователями. Наименее интенсивное, пассивно-вынужденное и механическое состояние «мы» дают нам «массы» (более всего повезло с социологическим изучением «толпе»); среднее состояние интенсивности контактов и их самоосознания, частично добровольное и частично принудительное общение дают нам «общину» (историческая и социологическая литература, посвященная этой форме, просто огромна)¹; высшую форму интенсивности добровольности и ее сознаваемости демонстрируют «коммуны». Три эти формы «мы», по Гурвичу, могут быть монофункциональными, полифункциональными и суперфункциональными. Так, например, многие «мы», существующие в спортивных командах, профсоюзах и т.д., являются монофункциональными, так как связаны с определенным характером деятельности или задачей, соответствующей определенной категории ценностей и подчиненной достижению определенной цели. В противоположность этому типу «мы», существующие в рамках одного города («мы — петербуржцы»), политического движения («мы — правые, левые») или экономической общности («мы — производители и потребители продукции русской экономики») могут быть определены как полифункциональные, поскольку каждый из них связан с различными родами деятельности и задачами, соответствующими различным ценностным представлениям и находящими свое выражение в различных целеполаганиях.

¹ См., например, прекрасную оценку Гурвичем типологии «общество - община» Ф. Тенниса [7, р. 214-215]

Суперфункциональные активные формы «мы» реализуются на уровне общественных классов и наций, интернациональных сообществ. Главное их отличие от предыдущих форм состоит в том, что они заняты не решением нескольких более или менее четко обозначенных проблем, а вынуждены иметь дело с «закрытой тотальностью» задач, различные аспекты и особенности которых нерасчленимы и связаны с различными ценностными областями. Примеры таких форм: «мы – пролетарии всего мира», «мы – североамериканские негры», «мы – механическая коллекция номеров из романа Е. Замятина «Мы»).

Всю вторую половину XIX и первую половину XX в. социологи с попеременным успехом соревновались в освещении этих исследовательских полей с социальными психологами. Основательно всех критиковавший Гурвич высоко оценивал вклад двух социологов из этой плеяды: «социологию отношений» и классификаторский подход Л. фон Визе и социометрию Дж. Морено, посвятив последнему в 1947 г. специальную статью, в которой сопоставил свою микросоциологию и социометрию [14, р. 24-67].

Второй, более обширный и более оригинальный раздел общей социологии Гурвича занимала его макросоциология, обладавшая другим онтологическим полем исследования и оперировавшая иными категориями, нежели микросоциология. Прежде всего, она призвана исследовать вертикальное измерение социального бытия, т.е. разноглубинные уровни и сектора тотальной социальной реальности в ее «структуроспособных и структурированных ансамблях: группах, классах и глобальных обществах». Гурвич неистощимо изобретал причудливые классификации этих ансамблей и уровней их обнаружения в социальной онтологии. Прежде всего, он на основании чисто феноменологического критерия приступил к выделению десяти уровней «глубины социальной реальности», начиная с явлений повседневности, легко обнаруживаемых органами чувств, и заканчивая наиболее скрытыми и трудно уловимыми умственно-интуитивными явлениями. Есть резон перечислить эти уровни, поскольку здесь Гурвич как весьма значимую указывал проблему разнокачественности (функциональной, генетической, структурной и т.п.) социального бытия в целом. В чисто эмпирических (количественных) исследованиях эти аспекты часто перепутаны, что приводит к низкому познавательному эффекту исследований.

Первый уровень социальной реальности, по мысли Гурвича, включает в себя самые разнообразные явления: географическую среду обитания; антропологические и демографические композиции населения (пол, возраст, расы, масштабы рождения и смертности, продолжительность жизни); миграции (деревня – город и обратно, район – район, страна – страна); материальную культуру социума (дороги, постройки, каналы, орудия и продукты производства и т.п.).

Второй уровень, более сложный с социологической точки зрения, представляет собой организованные, централизованные и иерархизированные образцы коллективного поведения, составляющие своеобразную систему «заветов предков» нынешним поколениям, т.е. наследие прошлых культур.

В противоположность второму третий уровень социальной реальности включает в себя модели, правила, нормы индивидуального и коллективного поведения, являющиеся продуктами современной культуры и производителями будущей.

Четвертый уровень составляют внешние по отношению к третьему уровню стандартизованные формы коллективного поведения.

Пятый уровень социальной реальности представляет собой клубок социальных ролей — играемых, интерпретируемых, обсуждаемых и ожидаемых как индивидуально, так и коллективно.

Социальные установки и стереотипы составляют шестой уровень человеческого бытия. Особенностью его элементов является то, что люди повинуются им почти автоматически, даже временами слепо, не понимая подлинной сущности большинства стереотипов. Такова социально-гносеологическая природа многих предрассудков, массовых суеверий, утопий, идеологических «аксиом». Благодаря блестящим работам У. Липпмана это мнение широко распространилось в социологических кругах.

Седьмой уровень, по Гурвичу, составляют «социальные символы», которые служат посредниками между объективным содержанием того, что они символизируют, и групповыми и индивидуальными агентами, которые создают их и которым они адресованы.

Восьмой уровень бытия составляют инновационные, революционные, творческие акции («идеи — поведение»), борющиеся против кристаллизованных, застывших форм поведения, конформистских коллективных установок и символов. Значение этого уровня, как по его количественным параметрам, так и по исторической значимости, значительно больше, чем обычно себе представляют. Отопление этого уровня с третьим и четвертым уровнями напоминает то, что Г. Тард называл «изобретением и подражанием».

Коллективные идеи и ценности создают девятый уровень. За всем многообразием коллективных действий и установок, за всеми формами социальных организаций, ролями и символами располагается мир ценностей, объективизирующий и экстернализирующий все предыдущие уровни социальной реальности. Он менее наблюдаем, чем они. В описании мира ценностей (почти платоновского мира идей) Гурвич очень близко подходит к учению об «идеальном бытии» Э. Ласка.

Последний, десятый уровень имеет дело с родовой духовностью как таковой, с коллективной ментальностью. Отчасти это напоминает учение о «коллективных представлениях» Э. Дюркгейма. Психологическая жизнь, в меньшей (как на первом уровне) или большей степени (седьмой, восьмой и девятый уровни), присутствует на всех уровнях социальной реальности и является фактором интеграции каждого уровня. Но она существует и в более самостоятельном, чистом виде в качестве познавательных процессов. Следует различать индивидуальную, межперсональную и групповую ментальности. Этот уровень социальной реальности наиболее скрыт и труден для научного познания. Духовность можно охватить и сколько-нибудь адекватно изучить только через диалектику.

Каждый уровень реальности в разной степени взаимодействует с другими уровнями и даже частично пропитан ими, ибо «тотальная социальная реальность» едина. Но будучи различными, они могут в то же время находиться в противоречиях, антагонизмах и конфликтах друг с другом, играющих важную роль в общественной жизни.

Как же следует оценить первое исследовательское поле макросоциологии Гурвича? Не является ли выяснение им глубин социальной тотальности мнимой проблемой? С философской точки зрения, перед нами явно старая проблема

соотношения явления и сущности, точнее, сущностей разных порядков, только в приложении к общественной жизни. За исключением первого, избыточно материального уровня и последнего — чисто духовного, каждый уровень характеризуется своими составляющими — коллективным поведением различных форм и типов и разными видами их осознания (адекватное — ложное, абсолютное — относительное, ориентированное в прошлое — настоящее — будущее, индивидуальное — групповое и т.д.). Содержание всех перечисленных Гурвичем уровней действительно существует и давно изучалось (пусть в отдельности и даже в противопоставлении) социологами разных направлений. Но его критика была направлена не на саму идею уровней глубины социальной реальности, а на их содержание, возникшее в воображении Гурвича. Справедливо выражались сомнения, охватывающие многих при знакомстве с этой классификацией: является ли она «формальной», устанавливающей пропедевтические правила деления, которые требуют четкого и резкого противопоставления членов деления, устанавливающего внешний наглядный порядок наблюдаемых явлений, или «содержательной», учитывающей изменения, взаимодействия, развитие классифицируемых объектов, даже перетекание их друг в друга¹. Гурвич считал, что он создает именно такой диалектический вид классификации социальных объектов. Критика резонно отмечала, что различие между формальной и диалектической классификацией осознавалось им, но преодолевалось не строго. На каком логически строгом основании Гурвич различал и разводил «социальные символы» (седьмой уровень глубины) и «коллективные идеи и ценности» (девятый уровень), а их вместе, в свою очередь, отличал от коллективной ментальности (десятый уровень)? Не стоит ли за этим вербалистическим богатством одно и то же? И не является ли это отражением отсутствия единства в социологической лексиконе вообще? Несколько позднее мы еще вернемся к этой части общей социологии Гурвича.

Следующий сюжет макросоциологии Гурвича затрагивал разные организованные аспекты социального пространства: реальные группировки, общественные классы, социальные структуры, «глобальные общества» и социальное время их существования. Отвергая социологический номинализм, Гурвич подчеркивал, что любая подлинная (а не фиктивная, воображаемая) социальная группа «есть реальное коллективное единство», непосредственно наблюдаемое и базирующееся на продолжительных и действенных установках целой грозды микросоциальных форм «социабельности» и разных глубинных уровней социальной реальности. В отличие от большинства специалистов по проблемам социальной структуры и стратификации, обычно стремящихся составить атласы групп, Гурвич сделал упор на методологические предпосылки, которые должны были помочь социологу описать и объяснить многообразные реальные группы — от кружка любителей покера, футбольной команды, армейского подразделения, симфонического оркестра до классов и наций. Он предложил использовать более десятка критериев, а если учитывать их дробление, то и больше: функции (выделяя монофункциональные, суперфункциональные и промежу-

¹ В этом отношении полезно сравнить и оценить все логические контрасты между теориями Гурвича и Сорокина, которые последний приводит в своем предисловии к книге Ф. Боссермана «Диалектическая социология», довольно благожелательно излагающей идеи Гурвича [15].

точные между ними группы); размер (малые группы, большие, обширные и супербольшие); продолжительность существования; ритм изменений; степень дисперсии (группы, члены которой рассеяны по обширной территории и находятся на дистанции друг от друга, группы, предполагающие периодические встречи состава, и группы с постоянным контактом); группообразующее основание (добровольные, принудительные, смешанные группы); группы открытые, закрытые и смешанные открыто-закрытого типа; неорганизованные и неструктурированные; организованные и структурированные; объединяющие основные групповые ценности (экономические, политические, культурные и другие); степень группового единства и сплоченность (централизованные, федералистские, конфедеративные) и т.п. Изучая многообразные социальные группы, социолог обязан установить их точные характеристики по этим критериям [7, р. 268- 348].

Повторяющиеся и существующие длительное социальное время характеристики могут создать такую комплексную и полифункциональную группу, как общественные классы. Гурвич кропотливо изучил множество различных определений классов, существующих в истории социологии от Прудона, Конта, Маркса до Сорокина и пришел к выводу — ни одно из них не является безупречными. Вот его ядовитый отзыв о позиции В. Парето: «единственная научная ценность» ее в том, что она «являет собою пример того, чего надо избегать» [16, р. 78]. Впрочем, плюралистическое определение классов, даваемое Сорокиным, он считал одним из лучших. Сам же он определял класс как социальную группу, комбинируя одиннадцать из вышеприведенных критериев: 1) суперфункциональность; 2) обширное количество членов; 3) долгое существование; 4) высокую степень дисперсии; 5) необходимость (т.е. недобровольность) в историческом возникновении и существовании; 6) открытость; 7) неорганизованность, но структурированность; 8) склонность активно защищать свои жизненные ориентации (через идеологии); 9) обычно сопротивление процессам поглощения «глобальным обществом» (за исключением тех случаев, когда данный класс доминирует в общественной власти); 10) радикальная несовместимость с другими классами (отсюда классовая борьба); 11) осуществление только условного контроля и принуждения над своими членами [7, р. 345].

Следующей важнейшей социологической категорией, с помощью которой следует изучать пространство социальной реальности, является то, что Гурвич называл социальной структурой. И, говоря формально, все социологи согласились бы с ним, но выясняется, что он под этим термином понимал нечто весьма отличное от существующих толкований социальной структуры. Более того, как и в случае с классами, он считал эти толкования неадекватными и ошибочными ввиду их статичности. К проблеме структуры Гурвич возвращался во многих своих работах 40-60-х годов, но центральное место среди них занимает большая статья «Концепция социальной структуры», появившаяся в 1955 г. в «Международных тетрадах по социологии», в которой он доказывал, почему столь популярное у социологов понятие относится только к макросоциологическому уровню, но не к микросоциологическому, и почему, на его взгляд, это понятие фиксирует не статичные, константные характеристики общества, как считают многие, а наоборот — постоянно изменяющиеся и динамичные [17]. Каждая социальная структура, утверждал Гурвич, представляет собой подвижное, по-

стоянно переделываемое жизнью равновесие между специфической иерархией глубинных уровней социального бытия, вариабельными манифестациями «социабельности», типами социальной регуляции, социальным временем существования функциональных группировок, классов и их организаций. Это равновесие укрепляется и поддерживается не только системой социальных ролей, но и моделями, символами, ценностями и идеями, т.е. культурой данной социальной структуры [18, vol. 1, p. 216-235].

Это определение требует некоторых пояснений. Во-первых, ограничив содержание социальной структуры как макросоциологического понятия функциональными группировками, Гурвич неожиданно добавил к нему микросоциологическое приложение — манифестации «социабельности», т.е. социально-психологический пласт бытия. Во-вторых, Гурвич настойчиво поддерживал идею социальной заданности и детерминации духовного производства его зарождения, развития и функционирования. В своей социологии познания, права и морали он более конкретно проводил эти идеи. Исследуя различные виды знания — философские, научные, политические, моральные и технологические в их типологических разновидностях — рационализме и мистике, теоретическом и эмпирическом, позитивном и спекулятивном и т.п. он всегда стремился обнаружить «функциональную корреляцию» между ними и социальными ансамблями: группами, классами, социальными структурами, «глобальными обществами» и находил, что все эти ансамбли разнятся самочувствием и самосознанием своих членов, так что разнообразное социальное всегда требует для своего воплощения и реализации своеобразного культурного. При воплощении они выступали в почти не расторгаемом социокультурном единстве [19].

В третьих, несмотря на необычность определения социальной структуры в сопоставлении с ходовыми определениями, внутренняя логика его рассуждений очевидна, ибо обнаруживает связь с предыдущими понятиями — «социабельностью», уровнями глубины бытия, группировками, классами и социальным временем. Кстати, совершенно обоснованно, в отличие от многих социологов, специализирующихся на проблемах стратификации, Гурвич связывает в одно целое вопросы социального пространства и времени (это совершенно в духе современного естествознания) — вот почему социальное время выступает атрибутом его толкования социальной структуры [20].

Венчается вся эта терминологическая «вавилонская башня» самой крупной макросоциологической категорией — «глобальными обществами». Точнее говоря, в текстах Гурвича попадает еще более крупное понятие — «цивилизации», но сколько-нибудь подробно он их не рассматривает. Что же такое «глобальные общества»? Это наиболее обширные и внушительные, содержательно наиболее богатые социальные феномены, обнимающие все функциональные группы, общественные классы, социальные структуры. Каждое «глобальное общество» структурировано, суперфункционально и организовано в сети взаимосвязанных институтов, включая государство. Именно эти общества участвуют в создании исторических цивилизаций, являясь своеобразными блоками в их строительстве. Однако цивилизации часто «парят» над границами «глобальных обществ». Так современная западная цивилизация за два последних тысячелетия включала в свой состав много типов «глобальных обществ».

Используя восемь критериев для различения и классификации «глобальных обществ», Гурвич, несколько неуверенно вступивший на путь генетической социологии, насчитывает их четырнадцать видов. Четыре исходных вида (эпоха варварства) охватывают архаические родоплеменные образования от примитивных семейных союзов до региональных кланов и ранних монархических союзов, организующих соплеменников для участия в общественной жизни. Шесть последующих исторических типов таковы: «харизматические теократии» (лучшая иллюстрация — Древний Египет); патриархальные общества (скажем — гомеровская Греция); государства-города (античные полисы); феодальные общества (подобные тем, какие существовали в Европе с IV по XIV в. н. э.); общества возникающего капитализма (XV-XVIII вв.) и общества развитого капитализма (XIX-XX вв.). На современной фазе развития цивилизации ему удалось обнаружить четыре типа «глобальных обществ»: общества развитого капитализма (подобно политико-экономической системе США, Англии или Швеции); технико-бюрократические фашистские общества (Италия 1924-1944 гг., Германия 1933-1945 гг.); тоталитарные общества коллективистского толка (СССР и с 1949 г. — Китай); общество плюралистического коллективизма — этот тип еще находится в эмбриональном состоянии, но в Югославии и, возможно, в СССР у него, как полагал Гурвич, есть шанс на полноценную реализацию. Остальные общества, разбросанные по всем материкам, имеют разные исторические возможности приближения ко всем этим типам. Причем приближение это не носит характер одновекторной механической эволюции, а является процессом случайным или диалектическим с возвратом назад, забеганием вперед, взрывами, накоплением и разрешением противоречий. Так что живи Гурвич сейчас, как социолог он бы не удивился попыткам бывшего СССР строить не общество плюралистического коллективизма, а «дикого капитализма»¹ [18, vol. 1, p. 230-235].

Таков концептуальный каркас «тотальной социальной реальности», как видел ее социологическим взглядом Гурвич. С точки зрения разделения и специализации научной деятельности его подход демонстрирует нам сложную картину: горизонтальную и вертикальную анатомию общей социальной реальности или, другими словами, систематическую теорию дифференциации и стратификации этой реальности. Все возможные детали этой картины можно изучать с помощью количественных приемов (скажем, выяснить число групп в той или иной социальной структуре или численный состав групп и время их существования), индивидуализирующих приемов (типа case study), приемов аналитических (например, соотношение функциональных и дисперсионных характеристик групп), наконец — типологических (вроде «глобальных обществ»), но причем тут столь уважаемая Гурвичем диалектика как метод познания? Это первый вопрос, который возникает при знакомстве с его картинами. Но возникают и другие. Рассмотрим кратко претензии критики к социологической системе Гурвича.

1. Одной из наиболее заметных особенностей мысли Гурвича была его страсть к составлению всевозможных классификаций. Голова кружится от хоровода 5-ти

¹ Так что живи Гурвич сейчас, как социолог он бы не удивился попыткам бывшего СССР строить общество не плюралистического коллективизма, а «дикого капитализма».

форм диалектики, 10-ти уровней глубины, 15-ти критериев социальных группировок, 11-ти критериев классов, 14-ти типов «глобальных обществ» и ... 162-х типов права. Даже относительно несложная социальная реальность в ее микро-социологическом выражении подразделяется им на 2 формы — «социабельность частичного синтеза» и «частичной оппозиции», каждая из которых, в свою очередь, делилась на активную и пассивную, монофункциональную, полифункциональную, суперфункциональную и т.п., так что в итоге получалось двенадцать различных классов феноменов или, как он выражался, «манифестаций». Поэтому если бы нам пришлось выбирать одно и только одно слово, символизирующее социологию Гурвича, то это была бы не «диалектика», а «классификация». В этом смысле прав был Сорокин, отмечавший, что «различные классификации составляют субстанцию системы социологии Гурвича» [2, р. 481]. Громоздкость и искусственный характер некоторых из его классификаций делал его обобщения малодоступными для эмпирической верификации, а часто вообще не доступными. И хотя для самооаттестации своей социологии Гурвич использовал термины «реалистическая», «гиперэмпирическая», во всех его работах мало данных, полученных в обычных эмпирических исследованиях. Правда, некоторый иллюстративный исторический материал он привлекает в разделах, посвященных социальным группировкам, классам и «глобальным обществам», но вне его классификаций этот материал как бы лишен всякого значения. Гурвич, как иронизировал Сорокин, конечно, желал бы «женить диалектику на эмпиризме», но счастливый брак не состоялся [2, р. 483]. Их общий товарищ по науке и жизни Н. Тимашев был еще более категоричен: относительно своих классификаций (прежде всего, типов права) Гурвичу «нечего добавить, кроме определений, а это — симптом научного бесплодия» [21, с. 487].

2. Бок о бок с отчетливыми послылками и их логичным развитием в схемах Гурвича встречаются неопределенные концепты и, несмотря на их принципиальное значение для всей его системы, они не подвергаются им ни внимательному логическому анализу, ни даже определению. Он часто скатывается к обыденному пониманию слов — «ансамбли», «глубинные уровни», «организации», «структуры», «манифестации», «социальные кадры» (т.е. то, что традиционно социологи называли группой) и т.п.

3. Фундамент деления уровней глубины — т.е. легкость и трудность внешнего наблюдения, нарушается им с первого шага. Возьмем исходный морфологический или экологический уровень, который по Гурвичу легко фиксируется с помощью внешних чувственных восприятий. Казалось бы, это само собой разумеющийся факт. Многое из того, что он включил в содержание этого уровня, легко познается с помощью органов чувств. Но особенностью социальной реальности является то, что вовлеченная в нее географическая, экологическая среда может приобретать нематериальные значения, недоступные внешнему наблюдению. У многих северных народов России этнографы подметили наличие особых «священных мест» — холмов, рощиц, полей, как правило, связанных с культами предков, и любые постройки — буровые вышки, дороги, аэродромы, поселки — являются их осквернением. Это не просто покорение удобной с точки зрения технологической рациональности материальной среды, а вторжение в «сферу народного духа» [22, с. 142]. Кроме того, на географическую среду Гурвич накладывает демографические композиции населения, его

мобильность и всю материальную культуру [18, vol. 1, p. 158]. В итоге в логическом отношении из исходного «уровня глубины» получается исходная свалка. Демографические композиции населения часто очень трудны для внешнего восприятия, и для получения адекватного знания о них необходимы долгие исследования профессионально подготовленных специалистов-статистиков, использующих чувственное восприятие, рациональные методы и интуицию. Не менее сложно обстоят дела с материальной культурой. Человек, не знающий предназначения научной лаборатории, не отличит ее от офиса, зала конференций от лекционной аудитории университета, банка от центральных железнодорожных касс, музея от торговых залов универсального магазина. От наблюдателя всех этих элементов материальной культуры требуется понимание значений и ценностей, знание о которых располагается на другом уровне бытия. Гурвич сам смущенно признавал, что за чисто материальной стороной первого уровня стоят коллективные идеи, уже недоступные непосредственному наблюдению [Ibid., p. 167]. Что касается других уровней, то обнаруживается, что более или менее гомогенные феномены необоснованно разделены и разбросаны по двум и более уровням. Так, стандартизованные, повторяющиеся формы коллективного поведения (ритуалы, обычаи и т.п.) отделены от «организованного социального поведения» и занимают разные уровни, хотя все они основаны на регуляции социальных действий и являются однопорядковыми феноменами. Сходная картина с нормами поведения: «знаки и символы» отделены от «коллективных идей и ценностей и социальных установок» и занимают разные уровни. И далее они все вместе отделены от «коллективных духовных состояний и психических актов».

4. Открыта для обоснованной критики и типология «глобальных обществ», являющаяся самой зыбкой частью макросоциологии. Прежде всего, они не являются абсолютно глобальными, т.е. не отвечают восьми критериям своей классификации. Главный критерий дифференциации «глобальных обществ», по Гурвичу, достаточно ясен — это должна быть обширная, богатая содержанием социальная тотальность, господствующая над всеми функциональными группами, классами и социальными структурами, обладающая юридическим суверенитетом над ними — включая и государство. При этом он не говорит ни о типе преобладающей в таком обществе религии, науки, философии, этики, искусстве (только немного о праве), ни о системе социальных отношений и способах жизни и производства материальных благ. Более того, приводимые им исторические иллюстрации четырнадцати типов «глобальных обществ» не всегда строго опираются на критерий их дифференциации. Кстати, это был скорее юридический, чем социологический критерий. Так, если Египет эпохи фараонов охватывает тысячелетнюю историю, то фашистская Италия времен Муссолини прошла два десятилетия, одни общества его схемы обладают гигантской территорией и многомиллионным населением (древнеримская империя), а другие его примеры представляют собой крохотные, локальные образования (античные полисы или феодальные уделы). Иными словами, вся классификация «глобальных обществ», как отмечал Сорокин, представляет собой номинальную коллекцию гетерогенных исторических, прежде всего, политико-экономических режимов, искусственно вычленяемых в истории с помощью надуманной категории [2, p. 494]. Упрек, конечно, справедливый, но, как часто бывает в науке,

многие книги ее выдающегося работника учат нас не только на его творческих откровениях и открытиях, но и на его просчетах. Один из крупнейших социологов-эмпириков послевоенной Франции Ж. Стетцель, выражая мнение многих социологов и философов, писал в 1957 г., что в области общей социологии, конечно, «наиболее выдающимися считаются работы Жоржа Гурвича» [23, с. 736]. Сразу же после смерти Гурвича Сорокин, сравнивая эти работы с современными исследованиями, в свою очередь отметил: «Его система общей социологии является более систематизированной, организованной и более полно развитой, чем большинство современных теорий в этой области. Его экстраординарная эрудиция в философии, социальных науках и социологических теориях, ясность его мыслей, разнообразие жизненного опыта сделала его главные работы познавательными важными, постоянно стимулирующими мысль и подлинно просветительскими. Ни одна теория общей и специальной социологии середины XX века не сможет пройти мимо них в молчании. Они уже заняли одно из почетных мест в социологии этого периода» [2, р. 478].

После этих лестных слов попытаемся представить читателю одну из ранних статей Гурвича «Будущность демократии», опубликованную в весьма серьезном журнале русского зарубежья «Современные записки» в 1927 г., когда главные постулаты его «диалектического гиперэмпиризма» уже разрабатывались. Статья интересна в двух смыслах: тем, что показывает, как в стилевом и содержательном отношении им конкретизировались некоторые абстрактные положения его схемы, и тем, что его рассуждения о демократии в России удачно вписываются в нынешний политико-идеологический дискурс. Проблемы демократии он тесно связывал с философией и социологией права. Даже в первое время (в 30-е годы), как отмечал Тимашев, философский интерес к праву у него доминировал, но только через тридцать лет после публикации этой статьи он выпустил редкую для того времени книгу «Элементы юридической социологии», дополненное американское издание которой вышло в 1942 г. под более точным названием «Социология права» [21, с. 486-487].

Гурвич, как Сорокин и Тимашев, испытал сильное влияние своего университетского преподавателя профессора Л. Петражицкого. Вслед за учителем он определял право как попытку реализовать в каком-то данном социальном контексте идею правосудия и справедливости через многостороннюю «атрибутивно-императивную» регуляцию, которая не обязательно связана только с внешним принуждением, как обычно думают. Социология права, согласно этой трактовке, должна была состоять: 1) из систематической части, изучающей проявление права или «правовые манифестации» как функцию форм «социальности»; 2) из дифференциальной части, изучающей проявление права как функции реальных коллективных единиц — групп, классов и социальных структур; 3) из генетической части, изучающей закономерности возникновения и изменения, развития и упадка права в различных конкретных типах «глобального общества».

В первой «систематической части» Гурвич проводит различие между тремя типами права — «социальным правом», которое является орудием объединения масс, общин, коммун и организаций, «индивидуальным правом», базирующимся на межличностных отношениях (кооперация — антагонизмы), и так называемым «подчиненным или субординационным правом», которое характерно для недемократических режимов и является искаженной редукцией гетерогенной

системы «индивидуального права». Все три типа и их многочисленные конкретные виды взаимодействуют, диалектически перетекают друг в друга и создают динамичный правовой ландшафт, состоящий из 162-х видов права. Приведем только один пример.

Патерналистское правление внутренней организацией мануфактуры или капиталистической фабрики является для Гурвича искажением «социального права», которое имманентно присуще «целому» фабрике как социальному институту. Такое правление собственника базируется на «индивидуальном праве», являющемся дериватом межличностных отношений владельца фабрики и остальных работников. Возможность существования «социального права» вообще он считал наличие различных общественных интересов, т.е., в конечном счете, различных социальных групп. Плурализм и вызванные им институты не могут быть поняты вне рамок «социального права» [24, р. 214]. Только в рамках «социального права» можно эффективно решить актуальнейшую проблему капитализма — проблему баланса власти между государством и различными экономическими группировками. Это, по его мнению, возможно как раз благодаря наличию трансперсональной категории «мы». В этом трансперсонализме Гурвич видит своеобразный синтез юридического индивидуализма, отрицающего существование реальности норм, правовых обязанностей и универсализма, на нем настаивающего.

В «дифференциальной части» своей социологии права Гурвич утверждал, что каждая активная социальная группа (в зависимости от времени существования и степени функциональности) всегда заявляет о себе как о нормативном образовании, формирует собственную юридическую регуляцию и практику, юридические традиции. В зависимости от лидирующих групповых интересов Гурвич выделял хозяйственные, политические, культурные и даже философские («мистико-экстатические») правовые системы. Настаивал он и на иерархии этих систем. Так, федеративное право, согласно его предположению, выше регионально-этнического, а международный юридический порядок должен господствовать над национальными порядками, что, впрочем, как отмечал Тимашев, не особенно подтверждается историческими фактами нашего времени [24, р. 709-722].

Третья, «генетическая часть» состояла из короткого реферативного обзора юридических порядков «глобальных обществ» и имела не столько социологическое, сколько историческое значение.

Признавая достижения немецкой школы социологии права и, в частности, ее главы М. Вебера, Гурвич указывает на недостаток методологии последнего, состоящий в редукции им социальных феноменов исключительно к видам поведения и индивидуальным смыслам, когда в стороне остаются некоторые важные элементы социальной действительности, а именно, ее морфологическая база и «коллективная психическая жизнь» [25, S. 217]. При этом он подверг сомнению тезис дюркгеймовской школы о детерминации коллективным сознанием форм первобытных групп и социальных структур [26, *passim*].

Все вопросы о социальных структурах различного типа и их правового обеспечения Гурвич постоянно связывал с изучением возможных размеров и реальных возможностей человеческой свободы, практикуемых в них. Интерес этот возник у него в пражский период эмиграции в начале 20-х годов. Далее он реализовал его в серии публикаций «Социальный детерминизм и свободный

арбитр» (1938), «Ступени человеческой свободы» (1951) и в обобщающем, выдающемся сочинении «Социальный детерминизм и человеческая свобода» (1955). Предлагаемая вниманию читателей статья «Будущность демократии» является одним из первых набросков этой темы.

Литература

1. Hecker J. F. Russian Sociology: A Contribution to the History of Sociological Thought and Theory. N. Y.; L., 1915.
2. Sorokin P. A. Gurvitch's Empirico-Realist Dialectic Sociology // Sociological Theories of Today. N. Y.; L.: Harper and Row Publishers, 1966.
3. Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М.: Прогресс, 1993.
4. **Обширные** материалы переписки хранятся в архиве П. Сорокина в библиотеке Саскачеванского университета и Гарвардском архиве: Harvard University Archives. Records of the Sociology Department 1930-1944.
5. Twentieth Century Sociology / Ed. by G. Gurvitch, W. Moore. N. Y.: Philosophical Library, 1945.
6. Gurvitch G. La vocation actuelle de la Sociologie. Paris, 1950.
7. Sociologie et Psychologie Sociale en France (1945-1965): Bibliographie établie par Le Centre d'Études Sociologiques avec une introd. de D. Reynaud. Paris, 1966.
8. Gurvitch G. L'Hyperempirisme dialectique: Ses applications en Sociologie // Cahiers Internationaux de Sociologie. 1953. Vol. 15.
9. Бахитов М. Гурвич Г.Д. // Философская энциклопедия. Т. 1. М.: Советская Энциклопедия, 1960.
10. Timasheff N. S. Sociological Theory: Its Nature and Growth. N. Y.: Random House, 1965.
11. Критика современной буржуазной теоретической социологии. М.: Наука, 1997.
12. Идеалистическая диалектика XX в. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978.
13. Gurvitch G. Essai d'une classification pluraliste des formes de sociabilité // Année Sociologique. 1938.
14. Gurvitch G. Microsociologie et sociometrie // Cahiers Internationaux de Sociologie. 1947. Vol. 3.
15. Bosserman Ph. Dialectical Sociology: An Analysis of the Sociology of Georges Gurvitch. Boston: Porter Sargent Publication, 1967.
16. Gurvitch G. Le concept de classe sociale de Marx à nos jours. Paris: G. D. H., 1954.
17. Gurvitch G. Le concept de la structure sociale // Cahiers Internationaux de Sociologie. 1955. Vol. 19.
18. Gurvitch G. Traité de Sociologie. Vol. 1. Paris: 1958; Vol. 2. 1960.
19. Gurvitch G. Initiation à la Sociologie de la connaissance. Paris, 1948.
20. Gurvitch G. La multiplicité des temps sociaux. Paris, 1958.
21. Тимашев Н.С. Развитие социологии права и ее сфера // Беккер Г., Босков А. Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении. М.: Изд-во иностранной литературы, 1961.
22. Богачева Н. Северное затмение // Смена. 1997. № 5.
23. Стетцель Ж. Социология во Франции: Мнение эмпирика // Беккер Г., Босков А. Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении. М.: Изд-во иностранной литературы, 1961.
24. Timasheff N. S. Gurvitch's Philosophy of Social Law // Thought. 1942. Vol. 17. № 67.
25. Gurvitch G. Rechtssoziologie // Die Lehre von der Gesellschaft / Hrsg. G. Eisermann. Stuttgart, 1958.
26. Gurvitch G. Essais de Sociologie. Paris: Sirey, 1938.